

Нѣсколько словъ о ласкательныхъ словахъ у разныхъ народовъ.

Полеженіе, что, по извѣстному изрѣченію, „de gustibus non est disputandum“—нечего спорить о личныхъ наклонностяхъ и воззрѣніяхъ,—вполнѣ приложимо и къ тѣмъ принципамъ и воззрѣніямъ, которыя играютъ главную роль при образованіи и употребленіи ласкательныхъ и бранихъ словъ. Если вообще въ области языковъ весьма немного данныхъ можно считать общимъ всѣмъ народамъ достояніемъ, то по отношенію къ ласкательнымъ и бранимъ выраженіямъ эта небольшая сумма данныхъ принимаетъ почти минимальные размѣры. Воззрѣнія на счетъ того, что именно должно считать лестнымъ и что оскорбительнымъ, что приличнымъ, и что грубымъ, рѣзкимъ и неопознательнымъ, у разныхъ племенъ расходятся между собою окончательно. Даже у сродныхъ между собою народовъ различіе во взглядахъ нерѣдко поразительно. Такъ, напр., въ комедіяхъ Плавта встрѣчаемъ разныя ласкательныя выраженія, въ которыхъ мы въ настоящее время не усматриваемъ никакого отбѣнка лестной похвалы: *passerculus* (воробенокъ), *gallina* (курица), *hoedillus* (козленокъ), *anaticula* (утенокъ), *catellus* (щенокъ), *monedula* (галка), *lepus* (заяцъ); къ страннымъ лестнымъ словамъ принадлежатъ *festus dies* (праздникъ) и *molliculus caseus* (мясохонькій сыръ). Древніе индійцы называли прелестную дѣвицу или женщину *hansa-gāmini* „ходящая какъ гусь“ (или краснокрыль) и въ санскритскихъ драмахъ очень часто встрѣчается сравненіе походки прелестной дѣвицы съ походкой гусиной. Индійскую красавицу честили также названіемъ *hansa-nādinī* „кричащая какъ гусь“ и необходимые атрибуты женской красоты были у индійцевъ широкія бедра, слоновою походкою и голосъ кукушки. И у чеченцевъ вѣжды похвалитъ дѣвицу, если ей скажетъ, что у нея утиная походка (*beding sanna buoloderig*); тогда какъ аварской красавицы воздается большая похвала, если кто скажетъ о ней, что у нея шея, какъ у турецкой кружки; хорошая, прилежная хозяйка называется у арабовъ *iwazzaf* „гусь“. Въ Пиемонтѣ мальчуга хвалятъ словомъ *teta* „сосокъ“ и древніе индійцы, обращаясь къ юношамъ или дѣвцамъ, часто употребляли ласкательное слово *vatsa* „теленка“; русскому „голубчикъ“ соответствуетъ въ Шотландіи (у гельскихъ горцевъ) выраженіе *laogh mo chridhe* „теленка моего сердца“; въ верхне-нѣмецкихъ нарѣчіяхъ *nessel* „крапива“ обозначаетъ миленькую дѣвочку, въ Баваріи *krot* „жаба“ есть нѣжное, лестное обозначеніе дѣвочки небольшого роста; у лаковъ оборотъ „да умреть твоя мать“ есть особый, хотя намъ непонятный, родъ похвалы; красавицу лаки называютъ „зазженной свѣчей“, акушницы чествятъ ее выраженіемъ „облупленная дѣва“ и бойкая, ловкая дѣвица у нихъ называется „дѣвица-блоха“. Намъ въ голову не приходитъ усматривать что-нибудь лестное въ словѣ „чурбанъ“, но у разныхъ тюрко-татарскихъ народовъ это же самое слово считается весьма лестнымъ: такъ джигатайскому *künde* „чурбанъ“ соответствуетъ якутск. *kündü* „почтенный, многоуважаемый“ (собственно „чурбанный“), алтайск. *kündüle* „уважать, чествовать“ (собственно „дѣлать чурбаномъ“). Въ какайкельскомъ языкѣ наложница называется *kab* „медъ, сахаръ“, но перуанцы почтили ее словомъ *aniaso* „хорекъ“, у мексиканцевъ называется „веревкой“ (*temekatl*), у японцевъ—„висящей на глазу“ (*mekake*), тогда какъ арабы и турки называютъ красивую наложницу *âfet* „несчастіе, зло, вредъ“. Юракарецъ (въ южной Америкѣ) считаетъ за величайшее оскорбленіе, если кто назоветъ его „поваромъ“, а у данавовъ (въ центральной Африкѣ) слово *had-dād*—„кузнецъ“ считается самымъ презрѣннымъ. Ранкелицъ (въ южной Америкѣ) входящему въ ихъ шатеръ гостю оказываютъ особую почесть привѣтствіемъ: „посмотрите на большого быка“; ювы называютъ себя лестнымъ выраженіемъ *науча*—„запыленные носы“, а китайцы обозначаютъ образованную часть коренныхъ жителей формозы, пребывающихъ въ долинахъ, лестнымъ названіемъ *шек-ван*—„варенные иностранцы“, въ противоположность дикимъ горцамъ того же острова, которыхъ окрестили названіемъ *чин-ван*—„сырые иностранцы“. У астонцевъ отецъ называетъ единственную свою дочь *wina-kruzikene* „винная кружка“ (въ ожиданіи водки, которой его угостятъ будущіе ея женихи). Сотховцы (въ Африкѣ) кланяются своему начальнику словами: *tata sevata* „здравствуй, скотина! Здравствуй звѣрь!“, а перуанскіе жрецы носили почетное названіе *allko*—„песъ“. Вавендцы въ Африкѣ, говоря о своемъ начальникѣ, въ видѣ почтенія стараются выражаться возможно вѣжливѣе, а потому посто-

янно облачаютъ свою рѣчь въ метафорическіе обороты: такъ, вмѣсто „начальникъ болѣнъ“ они говорятъ: „начальнику жарко“, вмѣсто „начальникъ пьянъ“ говорятъ: „начальникъ упалъ въ колодезь“, вмѣсто „начальникъ бѣсъ“—„начальникъ обрабатываетъ дѣльце“, вмѣсто „начальникъ померъ“—„источники изсякли“. Китайская императрица носитъ также названіе: „перечная комната“, въ чемъ заключается желаніе ей многочисленнаго потомства; японцы называютъ необыкновенно даровитаго человѣка *poso bito*—„аккула-человѣкъ“, и лучшій комплиментъ, которымъ вотицкій женихъ можетъ осчастливить свою невѣсту, есть ласкательное ане—„гусенокъ“, или выраженіе *ani armaswirgolline*—„благовоспитанная, какъ гусенокъ“.

Зырянскій языкъ изобилуетъ множествомъ странныхъ метафорическихъ выраженій и оборотовъ, которыхъ ласкательный отбѣнокъ намъ нерѣдко совершенно не постижимъ; такъ, напр., набожнаго, покорнаго человѣка называютъ *рой кодъ*—„подгнившій, исхудалый“, старую бабу зовутъ ласкательно *пѣрынь-рунь*—„слабыя пѣи“, любовника—*майѣ-вил-рузымъ* „тряпка на жердѣ“, десну—*тинъ-майѣ*, теща зубовъ—дородную женщину *чѣтозъ* „гнѣздо сала“; плута называютъ осторожно *тѣ-рокан-кыш-вилѣ пѣрыльши*—„тарабанъ въ новенькой шкурѣ“, незаконорожденный есть у нихъ *кыш-шыт-вилыш-керем-тор*, т. е. вещь, на смерзломъ навозѣ созданная и пр.

Весьма любопытно разсмотрѣть ласкательныя и фамиллярныя слова, которыми разные народы обозначаютъ ближайшихъ родственниковъ, особенно же отца, мать, сына и жену. Тутъ очень часто этикетъ, особыя воззрѣнія, предразсудки, подобоострастное обращеніе къ знатымъ особамъ и высшимъ сословіямъ вообще, и другія обстоятельства успѣли выработать и предписать такія странныя формы отчасти ласкательнаго, отчасти унижительнаго или по крайней мѣрѣ страннаго способа обозначенія упомянутыхъ степеней родства, что индо-европейцу подѣ часть очень трудно стать на точку зрѣнія того или другаго несроднаго народа и уяснить себѣ способъ возникновенія разныхъ словъ этого разряда. Такъ напр., грекандцы называютъ мать „мѣшкокомъ“, японцы зовутъ ее *o-fukuro* „большимъ мѣшкомъ“, тогда какъ *ko-bukuro* (*uterus*) значитъ „маленькій мѣшокъ“; зять у криковъ зовется *un-hu-ti-se* „моя настоящая подвѣска“, у делаваровъ *pa-to-pai-ma-kw* „охотникъ въ мою пользу“; невѣстку делаварецъ зоветъ *nah-hum* „моя еухарка“, а персіянина *diwek* „чертенка“; шуринъ фиджіецъ называютъ *poqu-daqu* „моя спина“, а бечуаны *кура* „горячая зола“. Огомцы называютъ дѣда *si tha* „кора отца“, дочь *ti psi* „борозда жены“, а маичуху *he-me* „выдуманная мать“ (въ Краинѣ называютъ маичуху *pisana mati*).

Въ Сіамѣ всѣхъ женщинъ называютъ *нан*, т. е. „старушка“, но только до тридцатаго года, затѣмъ носятъ названіе *тха-чой* „старушка“; дѣти простолюдиновъ носятъ лестное названіе „крыса“, дѣтямъ среднихъ сословій принадлежатъ ласкательныя титулы „господинъ мышенокъ“, или „барышня крыса“, тогда какъ дѣтей аристократовъ чествятъ „батушкой“ и „матушкой“ (*po, me*).

Весьма любопытны ласкательныя и фамиллярныя названія ближайшихъ родственниковъ у китайцевъ. Фамиллярное названіе отца есть *lao-cz* „старый мальчикъ, старый сынъ“, вѣжливое и ласкательное названіе отца, тестя и старой особы вообще *лао чан* „старая палка, старый аршинъ“, дядю зовутъ „маленькимъ отцемъ“ (*ki-fu*), дѣтей и внуковъ „дынями и дыньками“ (*kua titl*—въ кантонск. нар.), юношу „зелеными лѣтами“ (*cing nien*). Старикъ имѣетъ названіе *mu nien* „вечерніе года“ или *ho suan* „журавлиный счетъ“, такъ какъ журавль служитъ у китайцевъ эмблемой долголѣтія; маститый старикъ чествится названіемъ *lao thie* „старое желѣзо“. Въ домѣ, гдѣ есть совершеннолѣтнія дочери, говорятъ о „падающихъ сливахъ“ (*piao mei*); когда китаецъ говоритъ съ кѣмъ нибудь другимъ о своемъ сынѣ, то онъ его называетъ „дешевымъ процентомъ“ или „скромнымъ прибавкомъ“ (*ciensi*), или же „собачьимъ сыномъ“ (*kiuen cz*). Еще хуже онъ обходится—по крайней мѣрѣ на словахъ—съ своей женой говоря о ней съ кѣмъ нибудь другимъ и называя ее „плохой комнатою“ (*pai fang*), „внутреннимъ человѣкомъ“, *ней жин*, „неблагородной заключенной“ (*sieng noi*), „дешевой внутренностью“ (*dzien ne*), „холоднымъ терномъ“ (*hön kiung*), или даже „глубокимъ терномъ“ (*keh-kiung*). Въ фамиллярномъ обращеніи китаецъ называетъ свою жену „старой бабой“ (*lao rho*), тогда какъ жена сама себя называетъ „маленькой дѣвицей“ (*siao tung*).

И у другихъ народовъ жена обозначается метафорическими выраженіями, изъ которыхъ многія никакимъ образомъ нельзя назвать лестнымъ: такъ, у тагитанъ жена называется „терномъ мужа“ (*tara tane*), у бирманцевъ „домашней мебелью“ (*aim ra*), у масутовъ носитъ названіе: „моя королева“ (*khomo ea ka*), у арабовъ она превращается въ „сапогъ“ (*n'al*) или „платье“ (*libâs*), у персіянъ въ „постель“ (*фиринъ*), у киргизовъ въ „домъ“ (*üi*) или въ „рабу“ *джесир*, у турокъ въ

„старуху“ (kâri), у джагатаевъ въ „слабое созданіе“ (zajfe), у якутовъ въ „удрученную, замученную“ (ämäksin), у кахроковъ въ „водовоза“ (asici-tatvan). „Ваша жена“ по японски передается черезъ go kanai, т. е. „ваша домашняя внутренность“, жена знатной особы называется okugata, т. е. „заднее мѣсто“, а жена аристократа „за занавѣсомъ“ (ren chi).

Встрѣчаются, однако, у несродныхъ народовъ и такія названія жены, которыя болѣе гармонируютъ съ нашими воззрѣніями о достоинствѣ женщины. Такъ, напр., жена называется у міамовъ *нивишъ* „моя часть“, у делаваровъ *вица-оке* „моя опора въ жизни“, у казыкумовъ *каралуша шарша* „подъ мышкой взятая“, у эстонцевъ *abi* „помощь“ или *kaas* „общество“, у финновъ *vaimo* „сердечко“, у киргизовъ *jar* „другъ“, у чувашей—*ёлдам* „подруга“, у мафуровъ (на Новой Гвинее) *snun swagi* „человѣкъ любви“, у зырянъ *jort* „пріятельница“, у древнихъ ассирійанъ *chiraf* „избранная“, у сіамцовъ *anong* „желаніе, любовь“, у эзбеговъ „бѣлоголовая“ (*акбашлик*), у колховъ „повелительница дома“ (*oga ra gomke*), у вакховъ „любимая“ (*könd*). Весьма поэтически возлюбленная у персіянъ называется „розовымъ листомъ“ (*gul-berg*), тогда какъ возлюбленнаго обозначаютъ не менѣе лестнымъ образомъ словами *чешмъ о чираи* „глазъ и лампа“ или же черезъ *джигер терм*, т. е. „теплая печенка“, что въ свою очередь явно напоминаетъ употребляемое въ Тверской губерніи *печеночка*, равносильное по значенію слову *душенька* или *голубочка*.

И въ нашихъ языкахъ встрѣчаемъ нерѣдко названія жены, заключающія въ себѣ поэтическій или метафорическій оттѣнокъ: такъ, въ русскихъ нарѣчіяхъ жена называется „большухой“ или „первухой“, древніе индійцы обозначали ее также словомъ *grha* „домъ“, или *lalana* „вгривая“, у англосаксонцевъ она была *vebbe*, т. е. „ткачиха“, у древнихъ нѣмцевъ *wirten*, *wirtun* „хозяйка“, у древнихъ скандинавцевъ *vínge-fn* „подательница вина“, у древнихъ саксонцевъ *fêmea* „стыдливая“. Шотландскіе горцы (кельтскаго происхожденія) называютъ жену *céile* „равная“ или же *gruaig* „волосы, локоны“, а дѣвицу называютъ „вѣточкой“, „сучкомъ“ (*geug*) или „пѣной“ (*barrag*), тогда какъ каналійцы называютъ своихъ женъ *ma créature* „мое созданіе“. Мужъ у японцевъ является „повелителемъ“ (*tonogo*), у колховъ „хозяйномъ поля“, у русскаго простонародія „большакомъ“, у румынъ „усачомъ“ (*berbat*), у назовъ „одѣвающимъ“, у тлнххитовъ „серлитымъ“, у майнуровъ „ворчаливымъ“, а у итальянцевъ и испанцевъ „молоткомъ“ (итал. *martello*, исп. *macho*). У татаръ женихъ есть „осматривающій“ (*köregen*), невѣста „приходящая“ (*gelin*), а холостякъ „лѣнтяй, бездѣльникъ“ (*bekjâr*), тогда какъ якуты называютъ его съ презрѣніемъ „пустымъ человѣкомъ“ (*bosko*).

Какъ видно, каждый народъ къ такимъ словамъ прилагаетъ особое мѣрило, каждый соображается съ воззрѣніями, которыя иногда на ограниченномъ только пространствѣ оказываются одинаковыми. Не только не еродные, но и весьма близкіе другъ другу народы совершенно иначе рассматриваютъ, понимаютъ и передаютъ символическіе оттѣнки словъ. Ласкательныя и бранныя выраженія составляютъ одну изъ тѣхъ важныхъ категорій словъ, въ которыхъ рельефно рисуется коренное различіе основныхъ чертъ народнаго быта разныхъ племенъ.

В. Шерцль.